

Культура. — 2002. — 14-20 февр. — с. 7
МНОГО ЛИ СИЛЫ У СЛОВА?

Почему Владимир Сорокин и Виктор Пелевин попали в “черный список”?

21 января молодежная общественно-политическая организация “Идущие вместе” объявила, что все желающие могут бесплатно обменять книги Виктора Пелевина, Владимира Сорокина или Карла Маркса на сборник рассказов Бориса Васильева.

Не известно, много ли рядовых читателей заинтересовались перспективой обмена. Отклик прессы был предсказуемо бурным. В результате уже 23 января инициаторы акции были вынуждены объявить о ее отмене. Однако сегодня, когда утихла страсти, она продолжается вновь.

Молодые отечественные прозаики попали в одну компанию с бородатым классиком. “Идущие вместе” объясняют свой подбор авторов для “черного списка” “степенью социального ущерба, нанесенного нашему обществу и нашей культуре в целом”. Попытаемся понять, чем могли показаться опасными книжки, которые давно уже лежат почти в каждом книжном киоске.

Виктор Пелевин.
“Затворник и шестипалый”.
“Вагриус”. М., 2001.

В книгу вошли три повести — “Желтая стрела”, “Затворник и шестипалый”, “Принц Госплана”. “Затворник” и “Принц” увидели свет еще в 1992 году в составе сборника “Синий фонарь”. В 1993 году за “Синий фонарь” Пелевин получил “Малого Букера”.

Виктор Пелевин — выпускник Литературного института, переводчик Карлоса Кастанеды. Среди журналистов он известен тем, что не любит давать интервью и фотографироваться.

С “Синего фонаря” началось развращение легким и не обременительным для мозга чтением интеллигентного читателя, привыкшего покорно вгрызаться в Джойса и Пруста.

Два героя “Затворника и шестипалого” блуждают по затерянному миру. Только к середине повести становится ясно, что герои — бройлерные куры и, если они не найдут выхода, их съедят. То, что для нас духовка-гриль, для бройлерных кур — ад. История принимает драматичный оборот. Затворник и Шестипалый наблюдают жизнь вокруг себя, тренируют крылья, поднимая тяжелые гайки, дерзко противопоставляют себя социуму, степенно ругая обо всем на свете. Переключаясь из света в тень, от на-

дежды к отчаянию, они в последний момент вырываются из курятника через разбитое окно и улетают на юг.

Бесконечный поезд из “Желтой стрелы” населен домохозяйками, бизнесменами, наперсточниками, художниками-концептуалистами, лицами неопределенного рода занятый в спортивных костюмах, музыкантами в латиноамериканских пончо. Из вечного радиоприемника доносятся разные песни о поездах — от Макаревича и Гребенщикова до “Голубого вагона”. Пассажиры толкаются в тамбурах и в тесных коридорах. Пьют чай, придерживая железный подстаканник, покупают белье с голубой меткой МПС, ходят в вагон-ресторан есть за столами с грязными скатертями. Поезд идет на восток. С каждым поворотом поезда мы радостно узнаем новую деталь из притчи про свой привычный мир.

В книгах Пелевина множество знакомых предметов и ситуаций, которые немедленно вызывают ностальгию. Холодная курица, завернутая “на дорожку” в промасленную бумагу. Уйма пьяных мужиков на эскалаторе в метро, “каждый из которых дает себя почувствовать”. Будничный абсурд советской реальности изображен с исключительным вниманием к деталям. Изнуряющее занудство повседневности начинает восприниматься как приключение. Только дети 70-х, к которым относится и Пелевин, умели играть в землю железобетонных конструкций, оставшихся от очередного долгостроя.

Для советского читателя фантастика была побегом из серых будней. Стругацких и Лема меняли на макулатуру. В библиотеке зачитывали до дыр. У Пелевина сами будни стали фантастикой. При этом фантастические миры его рассказов напоминают не столько идеальный и сентиментальный мир НИИ ЧАВО из культового романа братьев Стругацких, сколько запретный и замкнутый мир человечков из модели корабля у бабушки на полке, который мальчик тайно сломал ножом в рассказе Житкова. Обаятельные герои пелевинских притчей вечно ищут окно, дверь, код, ведущие к выходу из собственного мира. И всегда находят.

Владимир Сорокин.
“Первый субботник”.
Ad Marginem, 2001.

В сборнике представлен автор-

ский цикл рассказов 1979 — 1984 годов.

Владимиру Сорокину 46 лет. Он выпускник Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина, работал художником. С 70-х годов является активным участником Московской концептуальной школы. В 80-х годах произведения Сороки-

на издавались в основном в Германии, с начала 90-х публикуются в России. Соавтор А. Зельдовича по сценарию фильма “Москва”. В декабре 2001-го награжден премией Андрея Белого за самый радикальный художественный проект года. Журналисты считают, что Сорокин любит готовить еду, и вопрос о кулинарных пристрастиях уже стал

традиционным для его интервью.

Сорокину свойственно радикальное обращение с речевыми и этическими запретами. В его способе обращаться с запретным нет пристрастности подростка, вышедшего из-под опеки родителей, но есть “рациональный идиотизм” московских концептуалистов. История о том, как белобрый тракторист Санька

безушестно любит свою погибшую невесту доярку Наташку, изображена с незатейливой наглядностью репортера, снимающего в 70-х годах хронику для скучной воскресной телепередачи “Сельский час”. Автор дерзко нарушает правила этикета в привычных для нашего уха речевых жанрах советского времени. В идеологическом государстве, каким был Советский Союз, язык значил очень много. Сорокин отрывает привычный язык чиновников и комсомольских работников от идейных основ и лихо преобразует его в эстетический прием, а у читателя возникает острое ощущение уходящей эпохи. Прозу Сорокина трудно любить, но ее невозможно не заметить.

Книги Виктора Пелевина и Владимира Сорокина — литература. С большой или с маленькой буквы “л” — рассудит время. Политическая организация публично объявляет художественные произведения опасными и вредными для общества, подчеркивая идеологическое значение этих книг. Лишь на первый взгляд кажется, что вредным объявлен цинизм трактористов Сорокина и наивный буддизм мыслящих кур Пелевина. Даже самый простодушный читатель никогда не станет подражать поведению и образу мысли выдуманных героев.

А может быть, вред и опасность этих книг в их своеобразном способе обращения к нашим воспоминаниям о советской эпохе? Сорокин экспериментирует с разными видами речи советского общества. Пелевин наполняет фантастическим смыслом повседневные детали уходящего советского быта. Создавая новый художественный образ недавнего прошлого, они разрушают привычку вспоминать о нем в устоявшихся жанрах легкой сентиментальности или безжалостного отрицания. Разрушение советского языка и связанных с ним привычек и воспоминаний действует, как ведро холодной воды после долгого сна.

Все мы, конечно, в большей или меньшей степени осознаем свою идеологическую дистанцию с советским строем и его деятелями. Никому не хотелось бы отождествлять себя с безличной жестокостью угрюмых социальных работников и чиновников советских учреждений, ханжеским лицемерием комсомольских работников, безнаказанной грубостью продавецки вечно пустых магазинов. Наш быт изменился настолько, что можно уже позволить себе с умилением смотреть в метро

на мертвые аппараты для размена 20- и 15-копеечных монеток на пятики и на гипсовые статуи пионеров с горнами в дальних углах парков. Но наше самосознание еще пока мало изменилось. Степень нашей терпимости прямо пропорциональна грузу воспоминаний о советском времени, который есть у каждого конкретного человека.

Казалось бы, воспоминания о прошлом — сугубо личное дело. И все-таки мы в гораздо большей степени находимся во власти привычки думать о хорошо знакомых с детства вещах на определенном языке. Всем известно ироническое испытание, когда собеседника просят быстро назвать фрукт, известного писателя и часть тела человека. Пока люди без запинки отвечают “яблоко, Пушкин, нос”, ими легко управлять. Отказ от привычных ответов на привычный вопрос приводит к более серьезным изменениям в самосознании, чем это кажется на первый взгляд. Сорокин и Пелевин предлагают без должного трепета “помянуть лихом” уходящую эпоху.

Общество боится разрушения идеологической монополии на обращение к коллективной памяти, к нашим общим воспоминаниям. Специалисты по политическому PR быстро среагировали на общественный страх совершенно фантастической на первый взгляд акцией обмена книг.

Литература, продающаяся в маленьких книжных магазинах, путь к которым известен только самым искушенным читателям, не слишком опасна для общественного спокойствия. Из всех книг, которыми торгуют киоски на станциях метро и лоточки на вокзалах, в “черный список” “Идущих вместе” попали только Сорокин и Пелевин. Женские романы, которые беззастенчиво утверждают западный образ жизни, настолько далеки от всего, кроме вечной тоски женской души о вечной любви, что не могут быть опасными. Кроме того, их печатают столько, что пришлось бы менять их на Васильева в пропорции, как мнимум, 1 к 100. Интересно, что к обмену не предложили гораздо более скандальные и откровенные произведения Баяна Ширянова, Эдуарда Лимонова или Владимира Жириновского. Пугает и настораживает истинная сила слова, а не чистый эпатаж.

Анна КОТОМИНА
 Фото Виктора АХЛОМОВА